

Светлана Сысоева

ПО ДОРОГЕ С ОБЛАКАМИ,
или Мама! Где мой рюкзак?

Светлана Сысоева

**По дороге с облаками, или
Мама! Где мой рюкзак?**

«Издательские решения»

Сысоева С.

По дороге с облаками, или Мама! Где мой рюкзак? /
С. Сысоева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854522-1

Родилась в Стране Советов, выросла во время перестройки, уму-разуму училась при капитализме. Что дальше? Работа, зарплата, снова работа. Квартира, машина, личная жизнь. И это личная жизнь? Уйти в отрыв, найти свой путь к исполнению желаний, найти свой мир, где тебя ждут и тебя рады. Но как? В новой книге главная героиня трилогии про Дашу Светлову путешествует из детства в юность, из юности во взрослость в поисках счастья, любви и смысла жизни.

ISBN 978-5-44-854522-1

© Сысоева С.
© Издательские решения

Содержание

Прошла весна, настало лето. Спасибо партии за это	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

По дороге с облаками, или Мама! Где мой рюкзак?

Светлана Сысоева

© Светлана Сысоева, 2017

ISBN 978-5-4485-4522-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прошла весна, настало лето. Спасибо партии за это

«Уу—уу—уу—уу» – завывала сирена милицейской машины. «По автобусам!» – раздался сильно искаженный мегафоном голос директора школы Анны Петровны. Не доверяя технике, Анна Петровна опустила руку, в которой держала мегафон, и прокричала: «Прохнов, кому я сказала, тебе особое приглашение требуется? Быстро в автобус! Отправляемся». Своим хорошо поставленным голосом директриса могла переорать любого. Вот и Прохнов уgomонился, наконец-то уселся, и колонна автобусов начала медленно вырulивать со школьного двора на дорогу. К лету 1985 года дорога успела прийти в полный упадок: асфальт был в трещинах, а местами провалился, образуя глубокие ямы.

В одном из автобусов на сиденье, обитом коричневым дерматином, сидела девочка четырнадцати лет Даша. Она смотрела в окно и пыталась представить себе колхоз, в котором ей предстояло провести как минимум две недели. Представляла и обиженно думала, что из женской половины 7 класса «б» только она и ее товарка по несчастью едут сейчас неведомо куда. Все остальные родители потрудились достать для своих отпрысков липовые медицинские справки, и сейчас, во время летних каникул, счастливики проводили время в пионерских лагерях либо ели смородину на дачах.

Самой неприятной перспективой колхоза была не школьная трудовая повинность. Самой неприятной и непредсказуемой перспективой было житье бок о бок с некоторыми мальчишками из старших классов. С теми, кто слишком активно переживал период полового созревания. Активность выражалась не в пылких взглядах, романтических письмах, цветах и конфетах. Мальчишки собирались в банды, ловили девчонок и начинали их ошущивать, проверяя где что повыврасталo, и отпуская по этому поводу непристойные шутки, тычки и затрещины. Девочки пытались пожаловаться завучу Ираиде Андреевне, или Ираиде Грозной, но разговора не получилось, поскольку ни одна из них не смогла произнести вслух, от чего они страдают. Сама же Ираиде не поняла или же не захотела понять, чтобы не взыаливать на свою голову лишние проблемы. «Они вас обижают?» – этот вопрос привыкшая всех отчитывать Ираида произнесла не терпящим возражений тоном. Маленького роста, с сильно вздернутым носом и кривыми ногами, обутыми в блестящие босоножки на высоком каблуке, завуч напоминала рассерженного мопса, которого заботливая старушка-хозяйка нарядила в самовязаное синее платье с шелковым бантом на груди. «Да, – подумала тогда Дашка, – тебя-то мальчишки стороной обходили». Самая смелая из девчонок попыталась произнести: «Понимаете, они нас...» Продолжить смелости не хватило. «Что они вас? Обижают?» – переспросила Ираида. «Ну да», – пробормотал кто-то. «Хорошо, я разберусь», – торжественно пообещала она и покосилапила по направлению к учительской.

Предводительствовали в банде два низкорослых брата-близнеца и их дружок карикатурно высокого роста. Троица ехала в первом автобусе вместе с остальными трудновоспитуемыми. Из окон того автобуса то и дело кто-то выглядывал и что-то выкрикивал, обозначая свое отношение к колхозу, лету и жизни в целом.

Дашка ехала молча. Напротив сидела девочка на год старше, изгой, объект постоянных насмешек своих одноклассников. Смеялись над ней, потому что она была странная, заплетала волосы в косу, некрасиво одевалась и ходила, низко опустив голову. Вот и сейчас она сидела одна, обнимая руками старую школьную сумку.

Позади устроился школьный интеллектualan Витя Сокольский. Витя учился на год старше, никогда не ругался матом и против хулиганов имел силу интеллекта. Витя шутил, комментируя мелькающие за окном пейзажи: «В-общем, народ здесь темный – только вчера узнали, что такое электричество...»

Ученье – свет, а неученье – тьма. Дашка вспомнила, как гордо несла в руке громадный букет красных гладиолусов – цветов, которые в России было принято дарить учителям в первый день учебного года. Рядом шли родители и тихо шептались. «Дашенька, давай я у тебя ранец возьму», – предложил отец. «Не надо», – даже не обернувшись, сказала Дашка. Ранец она выбрала сама, он был желтый и очень большой. Из-за него Дашкиной спины практически не было видно, только торчали две тонюсенькие ножки в красных колготках. Дашка шла в школу. Шла в первый раз, но ничуть не волновалась. Она умела и читать, и писать и страшно этим гордилась. На вступительном собеседовании толстая тетя со смешными кудряшками на голове, показав картинку, на которой был нарисован кот и кролик, попросила Дашку рассказать, что она видит. Дашка, очень удивившись, зачем надо рассказывать, когда здесь и так все написано, прочитала стишок под картинкой: «Кот ловил мышей и крыс, кролик лист капустный грыз». Тетя удивилась. Она показала вторую картинку и спросила: «А это кто?» «Это слон», – ответила Дашка и недоуменно посмотрела на мать. «Вы приняты в первый класс – сказала тетя, – поздравляю».

В первый школьный день, вбежав в класс, Дашка заняла место на первой парте. Среди первоклассников сидеть на первой парте считалось престижным, но дома над ней посмеялись. «Зачем на первую парту, Даша?» – спросила мать. «Как зачем?» – Дашка не знала, что ответить. На первой лучше всего, какие могут быть вопросы.

Шли дни. Через месяц класс торжественно приняли в октябрята, и на груди каждого стала красоваться красная октябрятская звездочка с портретом маленького кудрявого мальчика. Класс был поделен на группы-звездочки по пять человек, с командиром во главе каждой. Да и сам класс теперь назывался не класс, а отряд – в конце семидесятых годов на Дашкиной социалистической родине процесс образования тесно переплетался с идеологическим воспитанием будущих строителей коммунизма.

Впрочем, Дашкина учительница, симпатичная молодая женщина, в противовес школьной учительской моде носившая джинсы, особо не забивала головы своих учеников постулатами о «нашем правом деле» и «гордости за то, что ты родился в советской стране». А сама Дашка еще была слишком мала, чтобы задуматься, почему почти все тексты в школьном учебнике по чтению были про Володю Ульянова – эдакого идеального мальчика, маленького, но уже поражающего бывалых и мудрых взрослых своей недетской сознательностью и ответственностью. Или почему на занятиях в школьном хоре Дашке с друзьями приходилось разучивать исключительно песни про красные флаги или подвиги советских героев. Для семилетней Дашки это было неважно. Для нее имело значение уже само по себе участие по всем новом, что привнесла в ее жизнь школа – будь то хор, совместный поход в театр или вечеринка, под названием «огонек». Кроме того, учеба давалась Дашке легко, поэтому в школу она ходила с удовольствием.

Были, конечно, и неприятные моменты. Однажды Дашку, не хотевшую есть в столовой чуть теплую манную кашу и отправившую содержимое тарелки в мусорное ведро, поймала

директриса. «Ты почему не ешь?» – грозно спросила она, ухватив первоклассницу за руку. Дашка испугалась. Любимой учительницы рядом не было; Дашка оказалась один на один со строгой женщиной в очках, которая, тряхнув Дашку снова, повторила: «Я тебя спрашиваю, ты почему кашу не ешь». Анну Петровну в школе боялись. Неизменным черным костюмом, очками, волосами, стянутыми в тугой пучок на затылке директриса наводила ужас даже на самого отпетого хулигана-десятиклассника. Заслышав ее голос в коридоре, хотелось одернуть форму, поправить волосы, судорожно проверить, не забыла ли ты снять сережки и соответствует ли школьным правилам твоя сменная обувь. Имидж суровой директрисы подкреплялся учителями, которым было удобно иметь надежное средство для усмирения школьников. При любом удобном случае они грозили: «Будешь плохо себя вести – я тебя к директору отведу, она тебя из школы исключит».

Все это в одно мгновение промелькнуло в Дашкиной голове. «Меня исключат из школы! Что со мной будет? Я никогда не увижу Леру Ивановну, не буду петь в хоре и...» У нее предательски задрожали коленки, а на глазах показались слезы. «Я не люблю такую кашу», – проговорила она. «А какую ты любишь?» – спросила, смягчаясь, директриса, удовлетворенная результатом своего педагогического воздействия. Дашка огляделась. По направлению к ним шли две учительницы. Девочка с мольбой посмотрела на одну из них, но учительницы при виде директрисы смолкли и прошмыгнули мимо. «Гречневую», – найдя в себе силы, сквозь слезы ответила Дашка. В первый раз она встретилась с трудностями жизни один на один – рядом не было ни папы, ни мамы, ни Леры Ивановны; и она сразу поняла и усвоила простой урок – если сама за себя не постоит, никто другой на помощь не придет – и не важно в какой ситуации, будь то каша, директор или хулиганы на улице. «Да, гречневую», – повторила она чуть громче и шмыгнула носом. Железная хватка директрисы ослабла. «Ладно, беги, догоняй свой класс». На ходу утирая слезы, Дашка бросилась вон из столовой.

«Вроде бы подъезжаем», – объявил Сокольский. Автобус остановился. Посреди поля стоял длинный одноэтажный барак с плоской крышей, покрытой темно-серым шифером. Рядом с ним столовая, туалет из пяти деревянных кабинок над ямами, вырытыми в земле, и умывальник – облезлые краны с холодной водой над бетонным корытом. Чуть в отдалении баня – небольшой домик с затемненными квадратными окошками и резной светло-коричневой деревянной дверью. Еще дальше – покосившийся магазинчик. И все. Больше ничего не было. Вокруг этих жалких немногочисленных построек простиралось не то поле, не то степь, одним словом – земля, на которой что-то росло без видимого порядка.

Дашка зашла в барак, специально построенный, чтобы раз в год принимать коллектив советских школьников. Вдоль проходил широкий коридор, по обе стороны находились двери в комнаты. Полдня ушло на то, чтобы собрать и выбросить мусор, отмыть окна и вымести паутину из углов. Парни-старшеклассники притащили семь железных кроватей и сыроватые матрасы с подушками. В соседней комнате выдали комплект постельного белья и по два верблюжьих одеяла – новое светло-синее и потертое рыже-коричневое. Комната стала пригодной для жилья, и Дашка немножко повеселела. «Так, — раздался голос в коридоре. – В сельпо водяра дешевая. Надо затариться. Быро, баран, быро, как пионер-герой. Одна нога здесь, другая там», «Почему я? Как что, так сразу баран, кроме барана что, никто пить не будет?» – заныл кто-то в ответ. «Что?» – послышался глухой звук удара. За ним обиженный возглас: «Больно же». И шаги направились к выходу.

В пионеры принимали в третьем классе. Поголовная принадлежность детей к пионерской организации давала отличную возможность их контроля и увеличивало силу давления на неокрепшие души. Если ты разбил окно будучи октябреньком, тебя отругает учительница, вызовет в школу родителей и заставит их за разбитое окно заплатить. Но, если ты на беду свою оказался пионером, – будь готов, что тебя не только отругают, но и проработают на пионерском собрании такие же дети как и ты, но окон не разбивавшие, тетрадок не рвавшие, и одноклассника Прохнова по голове портфелем не бившие. Фотографию твою поместят в стенгазету, и школа узнает, какой ты плохой пионер и недостойный член нашего общества.

Октябрятами становились все сразу, но в пионеры принимали постепенно – сначала самых достойных, которых отбирала учительница, а потом тех, кто похуже. Это был один из способов мотивирования школьников. Считалось, желая стать пионерами, дети будут лучше учиться и лучше, то есть послушнее, себя вести. Поэтому атрибутика пионерской жизни всячески пропагандировалась – и особенная пионерская форма, и веселая и событийная пионерская жизнь. Самое главное, став пионером, ты получал шанс попасть в международный пионерский лагерь «Артек». Дашка очень хотела стать пионеркой и поэтому в предвкушении столь важного для нее события ужасно волновалась.

Дашкино желание было вызвано не столько рассказами о интересной пионерской жизни, сколько Дашка завидовала старшекласникам, которые носили на груди красные галстуки и значки с изображением трех языков пламени и портрета того же мальчика, но теперь уже лысоватого и постаревшего. Дашке удалось примерить такой галстук, забытый в их классе вожатой. Ей очень понравилось, как красный галстук смотрелся на темно-коричневой школьной форме. Галстук был знаком отличия – я лучше всех, и это сразу можно заметить. Дашке нравилось быть первой. Она лучше всех училась, много читала, и учительница иногда просила ее помочь проверить контрольные работы. В классе Дашка была популярна – ее выбрали командиром октябрятского отряда, а в подаренной мальчиками на восьмое марта открытке были слова: «Желаем тебе всегда и во всем быть первой». Дома Дашкино желание «быть впереди» всячески поощрялось и поддерживалось, особенно отцом – он очень гордился успехами своей старшей дочери.

Как назло, перед выборами в пионеры Дашка заболела. «Позвони Лер Иванне в школу и узнай, выбрали ли меня», – каждый день просила она отца. «Ведь надо будет пионерскую форму купить. И „Торжественное обещание“ выучить», – у Дашки не было сомнений, что она должна стать пионеркой в числе первых. Так и случилось. В Музее революции, в одной из комнат, где находился бюст того же мальчика, но совсем старого и лысого, Дашка старательно проговорила текст «Торжественного обещания» вслед за старшей пионервожатой: «Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю». Наконец ей повязали галстук. Дашка гордо стояла в новенькой пионерской форме: белой блузке и синей юбке – и старалась не смотреть в сторону отца, подглядывавшего вместе с остальными родителями из-за двери.

Прямо из музея они с отцом поехали на вокзал, встречать возвращавшуюся из-за границы мать. «Смотри, – закричала Дашка вместо приветствия, на ходу расстегивая пальто, чтобы все видели красный галстук, – меня приняли в пионеры».

После долгих препирательств Дашке с подругой удалось занять лучшие места у окна. Наскоро заправив постель, они пошли в местный магазин. Очень хотелось есть, но до ужина было далеко, про обед слышно не было, а съедать в первый день припасы, привезенные с собой, было неразумно. Ассортимент магазина был скромнен, но постоянен – хлеб и водка, ореховый шербет и лимонад в темно-зеленых стеклянных бутылках. Девчонки прикупили шербета, хлеба и лимонада и отправились обратно.

Понутру Дашка проснулась под звучный голос географички, отчитывающей «барана» за ночное пьянство. Двадцать минут на сборы – потом завтрак. Около уличного умывальника земля превратилась в жидкое месиво; чтобы умыться, надо было сильно нагнуться над бетонной лоханкой и подставить ладони под струю холодной воды. Дашка поскользнулась и чуть было не упала. «Я не выживу, – подумала она. – И будет ли баня работать? Говорят, что банный день раз в неделю. И ведь это не все. Это только начало».

В четвертом классе многое изменилось. Вместо одной учительницы появилось несколько – по одному на каждый предмет. Встретившись в первый раз с математичкой Марианной – неопрятной, с растрескавшимися от мела руками, Дашка испугалась: «Я хочу обратно к Лере Ивановне». За три года начальной школы она привыкла к заботе и доброму отношению первой учительницы, любившей Дашу то ли за то, что она была такой хорошей и умненькой девочкой, то ли по причине симпатии к Дашкиному отцу. Первая учительница была молода, красива и одинока – работа с утра до вечера в коллективе, на девяносто процентов состоявшего из женщин, а на десять из женатого «немца», престарелого военрука, усатого физрука и низкорослого учителя музыки, не давала возможности познакомиться с мужчиной. Лере Ивановне было под тридцать – в советском обществе этот возраст прочно закреплял за ней звание старой девы. Она, конечно, не сдавалась, но часто то ли по этой, то ли по какой схожей причине срывалась и выходила из себя, обзывая учеников крестинами и не скупясь на подзатыльники. Дашку она любила, но Дашкиному другу Юрику доставалось. «Скажи хоть что-нибудь!» – кричала Лера Ивановна, предварительно отругав бедного Юрика за несделанное домашнее задание и разрисованную самолетиками и корабликами обложку тетради. Юрик вжимал голову в плечи, хмуро смотрел исподлобья и молчал, как пионер-герой на допросе у фашистов. А по окончании разговора, схватив портфель и не сказав ни слова, убегал в сквер и там плакал. Дашка за Юрика всегда переживала и старалась, как могла, друга утешить.

В четвертом классе на первых порах Дашке приходилось нелегко. Новые учителя предъявляли каждый свои, не совсем понятные, требования – писать в только в толстых или наоборот только в тонких тетрадах, не носить сережек, ходить на физкультуру в черных трусах и белой майке. Последнее было самым мучительным для всех девочек Дашкиного класса. Как можно в десять лет ходить в трусах, когда модно носить завернутые до колен треники? А если мальчишки будут смеяться? Физрук этого не понимал и с завидным упорством отправлял переодеваться тех, кто осмеливался прийти на занятия в длинных тренировочных костюмах. «Вон из зала! – кричал он. – сейчас двоек в журнал наставлю».

Приходилось подчиняться. Ненавидя одновременно и физрука, и себя в нелепых трусах, на уроке физкультуры девчонки вели себя скованно и старались не смотреть по сторонам, как будто вокруг никого нет. Черные трусы причиняли больше страданий, чем прыщи. С прыщами можно было бороться, но против физрука методов борьбы не было, кроме как показать у него за спиной неприличный жест или обматерить в раздевалке.

Но самодурством учителей неприятности не заканчивались. Кроме уроков появились дополнительные занятия, посещение которых было обязательно. Политинформации; на них пересказывали прочитанные накануне статьи о героическом труде шахтеров или повышении благосостояния советских жителей. Уборка класса. Регулярные сборы отряда и классные часы, на которых отчитывали отстающих в учебе и ругали хулиганов. Все это происходило либо до, либо после уроков, то и дело приходилось задерживаться или приходиться утром на сорок минут раньше.

Но этим тоже не кончалось. Отличницу Дашку, как и немногих других хорошо успевавших учеников, заставляли заниматься с отстающими. К Дашке прикрепили двоечницу Иванову. Иванову воспитывала периодически впадающая в запой мать, поэтому Иванова всегда выглядела неухоженной – с грязными волосами и в дырявых колготках. Чаше, чем в школе, ее можно было встретить на улице с сигаретой во рту и в компании старших парней. Учеба Иванову не интересовала. Учителя на нее махнули рукой и решили, что лучше взвалить Иванову и ей подобных на чужие плечи – в данном случае Дашкины и двух-трех ее одноклассников. «Светлова!» – раздавался голос на уроке математики. Дашка, обычно решавшая задачки быстро и не обращающая внимания на темп, в котором работал класс, вскакивала. «Пересядь к Ивановой и помоги ей решить задачу».

Протестовать было нельзя – пионеры должны помогать отстающим. Отказ грозил проблемами – реальными или вымышленными, но Дашка откладывала в сторону нерешенную задачу и пыталась вбить в Ивановскую голову теорему Пифагора. Кроме того, классная руководительница обязала Дашку готовить с Ивановой уроки. В первый день Иванова опоздала на полчаса, во второй не явилась вовсе. Дашкина мать рассердилась и поставила классную руководительницу в известность, что ее ребенок, то есть Дашка, на Иванову времени тратить не будет. В результате совместное приготовление уроков отменили.

Произошли и другие изменения. Как-то утром, зайдя на кухню и включив радио, Дашка услышала: «После тяжелой и продолжительной болезни скончался... Леонид Ильич Брежнев». Дашка поняла, кто именно скончался, но не знала, как на это реагировать. «Мама», – побежала она в комнату. «Брежнев...» – она запнулась. Сказать «умер» одиннадцатилетняя Дашка не решилась. «Брежнев скончался». Она посмотрела на мать, но скорби, как это принято, когда кто-то умирает, не увидела.

Зато в школе скорбящих было много. У многих учителей были траурные повязки на рукаве, некоторые, казалось, искренне плакали. Учеников собрали в актовом зале, потом отпустили домой. Обязав на следующий день принести записку от родителей, подтверждающую, что те будут дома вместе с детьми смотреть похороны. «И ни в коем случае нельзя идти гулять. – сказала учительница. – Имейте в виду, кого увидят на улице, исключат из школы».

Дашка отправилась домой вместе с соседкой по парте, которая радовалась возможности пропустить музыкальную школу. Дома Дашка взяла тарелку с едой в комнату и включила телевизор. По всем программам передавали классическую музыку. Дашка не знала, что

в ближайшие три года классическую музыку будут передавать еще два раза, и ей снова придется нести в школу записки, чтобы дома наблюдать за отправляющимися в последний путь главами государства.

После несъедобного завтрака, состоявшего из жидкой каши, бутерброда с сыром и светло-бежевой бурды, именовавшейся какао, школьников погнали в поле. Впереди шла девочка-изгой. Один из школьных хулиганов запустил ей в спину редиской, чуть не попав в Дашку. «Чем это закончится?» – испугалась она. Чего и стоило ожидать, в колхозе оказались трудновоспитуемые не только из седьмого, но и, что было гораздо хуже, из восьмого класса.

Мимо по грядке проскакал одноклассник Паша Прохнов, которого дружки окрестили Папаней. «Прохнов, вернись!» – послышался гневный голос математички старших классов. Бредущая по грязному полю толпа подростков оживилась. Кто-то крикнул в тон учительнице: «Папаня, глухой что ли? Вернись, кому говорят!» Прохнов даже не оглянулся. Математичка побежала за ним. Она перескакивала с грядки на грядку и кричала: «Я тебе покажу, Папаня, рваня, сраня! Я твоих родителей в школу вызову». Вслед заулюлюкали.

«Внимание! Завтра к восьми утра на политинформацию», – невозмутимый голос длинноносой, худой, но странно широкобедрой химозы перекрыл гул голосов сорока тринадцатилетних подростков. Венцом педагогической и воспитательной деятельности новой классной руководительницы стала поздно обнаруженная беременность ее семнадцатилетней младшей дочери и тщательно разработанная система взяток за успешные оценки: четверка – двести пятьдесят тысяч рублей (около \$50), пятерка – в два раза больше. Но это случится позже, а сейчас, в последние годы развитого социализма химоза чувствовала себя уверенно. Страна Советов удваивала удои и выращивала отличные урожаи подсолнечника, а классная руководительница 7 «б» с честью рапортовала директору об повышении уровня политической грамотности и нравственности своих учеников.

Дашка продолжала учиться в той же школе. Но родители ее развелись и, чтобы выменять отцу отдельное жилье, Дашке вместе с матерью и младшей сестрой пришлось переехать в двухкомнатную квартиру в доме на соседней улице. В новом доме, несмотря на то, что располагался он метрах в трехстах от того, в котором Дашку жила раньше, она чувствовала себя, как на другой планете. Перед домом между деревьями были натянуты веревки и сохло белье, в подъезде часто не убирались, а во дворе целыми днями торчала группа подростков, не возлюбившая Дашку и кричавшая ей вслед обидные прозвища. Через дорогу построили общежития от находившихся неподалеку заводов – бывший район-новостройка превращался в один из, как их теперь называли, рабочих районов. На улицах чаще можно было встретить пьяных, поэтому Дашка старалась без особой надобности из дома не выходить.

Дашкин класс тоже изменился. Одноклассники разделились на группы по два-три человека, кто с кем дружил и сидел за одной партой – друзей выбирали по тому, как проводили время после школы. Меньшинство занималось в кружках и спортивных секциях. Большинство торчало на улице и пробовало на вкус взрослую жизнь в виде дешевого портвейна.

Группы дружили друг против друга или несколько против одной. Всегда общительная и имевшая много друзей Дашка все чаще чувствовала себя одинокой – портвейн пить не хотелось, а ее хорошие отметки вызывали у части одноклассников раздражение, у другой части зависть. В шестом классе к Дашке, переодевавшейся после урока физкультуры, с деловым видом подошла одна из одноклассниц Галя Портнова. Портнова занималась хореографией, что выработало у нее привычку прямо держать спину – создавалось впечатление самоуверенности и некоторого высокомерия. Училась Портнова сносно, но партнеры по танцам уже тогда интересовали ее больше, чем правописание «не» с глаголами. «Светлова, – громко сказала она, пытаясь привлечь к себе внимание одноклассниц, – хочу с тобой поговорить!» «А что такое? – непонимающе спросила Дашка. – Подожди, я оденусь. Давай выйдем из раздевалки, жарко здесь». Портнова повысила голос: «Нет уж, куда убегаешь. Пускай все девочки слушают». Дашка посмотрела по сторонам. Позади Портновой стояли ее приятельницы: Таня Сербина, с торчащими в разные стороны соломенными волосами, и Оля Харитоновна или «Халупа» – прозвище Харитоновой дали из-за выражения скорбящей унылости, которое ей придали неудачно выщипанные брови. Обе выглядели отрешенно, как инквизиторы перед началом сжигания очередной ведьмы. «Что случилось?» – переспросила Дашка. Портнова победоносно вскинула голову и выпалила: «Мы считаем, что тебе учителя завывают отметки». Дашка недоуменно посмотрела вокруг. «Интересно, сколько времени ты вчера просидела за уроками?» – подумала она о Портновой, но вслух ничего не сказала. Скандалов Дашка не любила, а кроме того тема скандала была ей не понятна. «А какое дело...» – начала она, как вдруг раздался голос Веры Лапиной. «Вот и нет, – запротестовала Лапина. – Светлова свои отметки получает честно».

В одно мгновение вокруг Дашки образовался кружок спорящих девчонок, является ли она, Дашка, любимчиком учителей, или же заслуженно получает пятерки. На стороне Дашки было меньшинство во главе с Лапиной, против нее – все остальные. «Бойкот Светловой!» – прокричала Харитоновна. «Мне бойкот? – опешила Дашка. – За что?» Она попыталась что-то сказать, но никто не слушал. Дашка испугалась. Ей действительно было непонятно, что происходит. «Ну и идите вы со своим бойкотом отсюда!» – выступила Лапина. Бойкотирующие демонстративно вышли.

На неделю женская половина класса разделилась на два лагеря. С Дашкой и пятью вступившимся за нее одноклассницами никто не разговаривал. Но на следующей неделе к Дашке подошла Портнова и, как ни в чем не бывало, попросила дать списать математику. Дашке давать списывать не хотелось, но это был единственный способ нормализовать обстановку в классе. Бойкот закончился.

В седьмом классе Дашкино общение с одноклассниками свелось к тому, что у нее просили списать домашку или подсказать на контрольной. К счастью в классе появилась новенькая, Марина. Слово за слово, и Марина предложила учить итальянский язык. В моде были итальянские певцы, впрочем, других особо интересных занятий не было. Одноклассникам их увлечение не понравилось. «Что это Светлова с Ворониной не по-нашему в углу шепчутся, вдруг что-то плохое говорят, и вообще, нехорошо от класса отделяться, надо быть такими, как все». Периодически всплывала на поверхность провозглашаемая идея коллективизма – нет никаких «Я», а есть только «МЫ»; все, что не есть «МЫ» и непонятно, скорей всего плохо.

Особенно возмущалась Иванова. Несколько вечеров подряд Иванова звонила Марине домой и просила выйти на пять минут на школьный двор «для разговора». «Разговор» обо-

значал разборку, грозящую превратиться в драку. Марина каждый раз вежливо отказывалась. Дашке не звонили, боялись ее матери, бывшей председателем родительского комитета класса. По большому счету, одноклассникам было наплевать и на Воронину, и на Светлову, и на их итальянский – мозги были заняты тем, где достать денег на сигареты или как познакомиться с Виталиком из соседней школы. Но через месяц бывшие подруги/соседки по партам Дашки и Марины, боясь осуждения одноклассниц, демонстративно пересели, показывая, что не желают иметь с «дурами» ничего общего. Впрочем, это было к лучшему – свободных парт в классе не было, и девочкам никак не удавалось сесть вместе. О пертурбациях с месяц посплетничали и поохали, а потом все стихло, и тем самым одноклассники официально признали факт появления новой пары подружек: Светлова и Воронина – и оставили обеих в покое.

На другой день Дашка разговорились с девицей на год младше. Алена появилась в их школе недавно, ее перевели из соседней за плохое поведение. Она собрала вокруг себя чело-
век пять, таких же, как она, – наглых, развязных, выглядящих на все восемнадцать в свои тринадцать, одноклассниц. В школе Дашка старалась держаться от них подальше – в ту пору были модны разборки, что кто-то на кого-то не так посмотрел. Как-то раз в метро к возвращающимся с курсов английского Дашке и Марине подошли две такие особы, старше и выше ростом, одетые в искусственные шубы, войлочные ботинки и клетчатые мохеровые шарфы. «Ты что на меня вылупилась?» – спросила одна из них Дашку, толкнув в плечо. «Да нужны вы смотреть на вас», – ответила она и сделала шаг назад. «Как это не нужны?» Особы нарывались на скандал – смотреть на них было нельзя и не смотреть было тоже нельзя. «Пойдем поговорим». «Не пойду я с вами никуда, – Дашка занервничала. Вокруг были взрослые, но на помощь никто не спешил. Подошел поезд. Девчонки вошли в вагон и сели. Особы сели напротив, нагло вытянув ноги. «Ща выйдем и поговорим», – время от времени повторяла одна из них. «Что будем делать?» – зашептала Марина. К счастью на их станции на перроне стоял милиционер. Дашка схватила Марину за руку и остановилась. Особы замаялись. «Ладно, – сказала одна из них. – Смотрите на будущее. Мы-то добрые, а нарветесь на кого-нибудь... Пошли, Натах!»

Знакомство с Аленой произошло не просто так. К Дашке начала приставать Лариса, старшая сестра ее бывшей подруги Риты Янаевой, похожая на крыску девчонка со старушечьим лицом и гадливыми круглыми глазками – вылитая старуха Шапокляк. Таким образом она пыталась самоутвердиться, так как в своем восьмом классе особым успехом не пользовалась. Днем раньше ее отодрал за волосы парень из параллельного класса, и ей хотелось на ком-то отыграться. Для самоутверждения Янаева сначала толкнула Дашку на глазах у своих одноклассников, а потом попыталась облить водой. Бедная Дашка не знала, что ей делать. К счастью появилась Алена.

С чего она решила взять Дашку под свое покровительство, непонятно. То ли для укрепления своего имиджа, то ли ей интересно было пообщаться с теми, кто не был похож ни на нее, ни на одну из ее подруг. В тот же день, встав между Дашкой и ее мучительницей, она коротко приказала: «Вали отсюда!» Лариска не замедлила свалить – Алену боялись. «Что ей от тебя надо?» – спросила Алена у Дашки. «Не знаю, надоела уже». «Ладно, если что, скажи».

Алена зачастила в гости и приводила с собой подруг из соседней школы. Эти девчонки принадлежали совсем к другому кругу – всегда с накрашенными губами, одетые в лучшее, что можно было купить в «Детском мире». «Я гуляю с парнями», – рассказывала Алена о том, как проводит время. «Что значит, гуляю?» Алена вдруг смутилась. «Гуляю... вообще, значит – ну вы понимаете». «А зачем?» Алена задумалась и дальше разговор не пошел.

Восьмой класс. «Девочки, пойдемте, посидите с нами». Классная делает приглашающий жест. Внутри класса бардак.

«Я как побегу, он за мной. Стоять, орет...» – вздох рассказывает Иванова, как классно провела вечер. «У нас было три бутылки портвейна и одна водки. Ну че, посидели неплохо, правда Боба напился и его вырвало прямо в комнате», – вторит ей еще одна любительница веселой жизни. «Ты чего уши развесила», – это Дашке, пытающейся выучить слова к завтрашней контрольной на курсах английского. А тут химоза орет: «Завтра после уроков у нас общественно—полезный труд». Это значит, что завтра среда, и обществу полезно, чтобы все шли на жиркомбинат клеить коробки. У Дашки по средам английский, но это, как было принято говорить в школе, были ее личные проблемы. Обществу в лице классной руководительницы нужны склеенные картонные коробки для укладки в них майонеза в баночках. Поэтому отменяйте свои личные дела и поставьте выше дела общественные. Хорошо это или плохо – решать не вам.

Общественно-полезный труд, как и поездка на сельхозработы, официально был добровольным. Это означало, что все добровольно—принудительно трудились на благо жиркомбината, выполняя бесплатно оплачиваемую работу. Для трудившихся школьников труд этот был к тому же бессмысленным. Может быть, школе и была польза, этого никто не знал, но никто из школьников не получал никакого вознаграждения, никакой благодарности за потраченное время. В коммунизм никто не верил, а другого мотива еженедельно проводить три часа, клея коробки или укладывая в них пачки с маргарином, кроме как не получить выговор и в результате плохую оценку по поведению, не было. Но и этого было достаточно, чтобы каждую среду у входа в жиркомбинат появлялась Дашка и еще два десятка одноклассников, и классная руководительница могла отчитаться перед директором школы, что ее класс, то есть отряд, в среду работал. Верила ли она сама в целесообразность и необходимость такого труда или тоже зависела от кого-то или чего-то: от директора, премии или других благ – единого мнения на этот счет не было. Так или иначе, сегодня среда и мы трудимся.

Тем не менее, «процесс пошел, и это правильно, товарищи». Сменилась очередная глава государства, которая вдруг объявила, что теперь все будет по-другому. Сразу после этого удои резко снизились, урожаи сгнили, а к ненавистным коробкам добавилась уборка территории ближайшего детского садика.

Дежурство по столовой, уборка кабинета НВП, уборка кабинета химии, бесконечные субботники. Уборка листьев на школьном дворе, то же – в скверике у железной дороги. Отказаться, даже заикнуться о том, что ты не хочешь убирать листья, было невозможно. Несмотря на провозглашенную перестройку и гласность, обычаи менялись очень медленно, в том числе и в советской школе, где для усмирения учеников пользовались старыми проверенными методами. «Не забывай, чтобы получить медаль на выпускных экзаме-

нах, тебе нужно иметь „примерное“ поведение в характеристике». Дашкины одноклассники не могли дожидаться окончания восьмилетки, чтобы с радостью уйти из осточертевшей школы и пополнить ряды рабочего класса. Но Дашка собиралась учиться дальше. Чтобы закончить среднюю школу и поступить в престижный ВУЗ, необходим был не только хороший аттестат, но и хорошая характеристика. Каждодневные угрозы и увещания накрепко заседали в умах школьников, особенно тех, кто строил планы на будущее. Кроме того, была и такая опасность, что за твое неповиновение на тебе отыграются на экзаменах. Рисковать нельзя. Поэтому, «если вы не поедете в колхоз...!» Чего уж там, все понятно.

На следующий день была суббота. Выходной. Никто никого на поле не гнал, и, позавтракав на скорую руку, девчонки решили пойти в деревню на почту, откуда можно было позвонить в Москву.

Ближайший населенный пункт Дединово находился в четырех километрах от колхоза. Идти надо было лесом и полем, поскольку транспорта никакого не было. Вместе с девчонками пошли две девицы из восьмого, которые знали дорогу, а заодно обещали показать, где почта, откуда можно было позвонить домой по межгороду, а где магазин, в котором можно было купить протертых яблок с сахаром в трехлитровых банках – популярной среди обитателей барака еды.

Почта помещалась напротив общежития для сезонных рабочих, четырехэтажного серого здания с серой вывеской «Hilton». Как только девчонки подошли ближе, из окон «Хилтона» высунулось несколько взъерошенных голов и стали зазывать путешественниц в гости. Делая вид, что эти приглашения их не касаются – восьмиклассницы, впрочем, остановились поболтать – Дашка и Марина зашли на почту. Телефонистке было не впервой видеть московских школьников. Она приняла заявки и сказала: «Ждите». «А сколько», – поинтересовалась Марина. «Сколько надо», Усевшись, девчонки стали ждать.

«Воронина!» Марина вскочила и бросилась к телефону. «Плохо, – доносились до Дашки обрывки разговора, – ужасно. Привези мне носки, свитер и еды... Я не знаю какой – колбасы, сыра, конфет, консервов. И позвони Дашкиной маме, скажи ей то же самое». «Три минуты», – раздался голос телефонистки. «Светлова!» Дашкин разговор был коротким. «Плохо, ужасно, привези мне...» Выйдя из кабины, Дашка сказала: «Надо проситься домой. Если не смогли нас оградить от колхоза, пускай, черт возьми, заберут нас отсюда пораньше».

Девчонки пошли в магазин напротив. Ассортимент его был разнообразней. Здесь можно было купить яблочное пюре и даже консервы «Суп перловый» и «Килька в томате». За прилавком стояла полупьяная красавица в грязном белом халате и красных пластмассовых бусах. Красавица заигрывала с мужественным и таким же нетрезвым голубоглазым красавцем в резиновых ботах, синих рабочих штанах и клетчатой рубаше. «Гришка!» – раздался веселый голос красавицы, когда Гришка попытался ущипнуть ее за необъятных размеров пятую точку. Девчонки купили трехлитровую банку с яблочным пюре и кильку. Пора было возвращаться.

На главной площади с бюстом Ленина посередине девчонки встретились с восьмиклассницами. «Пойдем со мной,» – внезапно в их кружок вторгся еще более опьяневший Гришка. Взвизгнув, девчонки бросились в разные стороны.

Обратно шли долго. Побоявшись идти короткой дорогой через лес, Дашка и Марина пошли полем, по широкой проселочной дороге. После нескольких дней без дождя грязь на ней высохла и местами превратилась в твердые комья. Приходилось смотреть под ноги, чтобы не наступить на один из них и не подвернуть ногу. Вдруг позади раздался шум копыт и голос: «Берегись!» Девчонки в ужасе обернулись. Их нагонял по пояс голый парень на лошади. Про местных в бараке ходили жуткие рассказы – как они напивались, а потом насиловали. Прижав к груди продукты, Дашка и Марина побежали. Парень не отставал. «Что делать? Вокруг никого нет, до спасительного колхоза далеко, а вдруг кто-то вылезет из кустов?!» Девчонкам еще никогда не было так страшно. Белая, как смерть, Дашка бежала и лихорадочно соображала: «Может закричать? Но кто услышит?» Рядом, прижимая к груди банку с яблочным пюре, бежала такая же белая Марина. Но вдруг парень отстал. Девчонки остановились передохнуть. Разговаривать не было сил, и до барака они шли молча.

В выпускном десятом классе учиться было очень тяжело. Тяжело не в плане учебы, а в плане того, что было с этой учебой сопряжено. Знаний, полученных в школе, не хватало для поступления в высшее учебное заведение – вступительные экзамены были гораздо сложнее школьной программы. К тому же все предметы были обязательными и приходилось зубрить ненужные, даже если ты определился, где учиться дальше. Три раза неделю Дашка ходила на подготовительные курсы, надеясь, что аттестат с отличием даст ей возможность сдать при поступлении в ВУЗ только один экзамен.

До конца существования комсомола, как общественной организации молодежи, оставалось еще два года. Если тебе нужна была хорошая характеристика, ты должен был быть и был комсомольцем, что налагало на тебя дополнительный круг обязанностей и позволяло учителям относиться к тебе с большей строгостью. Для рядовых комсомольцев, не принадлежавших к элите райкомов или горкомов, комсомол сводился к ежемесячной уплате взносов и регулярным отчетам о проделанной общественной работе.

Дашка была членом комитета комсомола школы. Сверхблаг это членство не приносило. Но, всю пионерскую жизнь бывшая командиром отряда, Дашка хорошо усвоила, что более высокое общественное положение, пусть даже формальное, дает преимущества – всегда лучше быть наверху, чем внизу, всегда лучше обладать властью и в результате иметь больше шансов самой распоряжаться своей судьбой. За свою активность, выражающуюся в том, что Дашка отвечала за организацию общешкольных празднеств, она умудрилась попасть в непонятно существовавшую ли на самом деле «Ленинскую книгу», в которую заносились имена наиболее активных и достойных комсомольцев. Никакого поощрения Дашка не получила – считалось, что сам факт попадания в книгу был гораздо лучше любой денежной премии. Материальное стимулирование вообще отсутствовало. Если ты что-то сделал хорошо – хорошо ли учился, дальше всех прыгнул или больше всех сдал макулатуры, тебе торжественно давали грамоту – листок бумаги с большим изображением Ленина и красного знамени, по центру листка скромно перечислялись твои заслуги. Если ты уж очень отличился, то давали грамоту почетную или две грамоты в зависимости от наличия необходимых грамот в школе.

Самым тяжелым было то, что, несмотря на провозглашение демократии, в школе в отношении учителей к ученикам ничего не изменилось. В духе перемен учителям при-

шлось заговорить о правах школьника, но это не мешало им при любом удобном случае по излюбленной привычке показать школьнику, что он никто и зависит целиком и полностью от того, что учитель, о нем думает. Дашке с удивлением привелось наблюдать картину, как историчка, после лекции о недостатках авторитарного стиля руководства, подошла к одной из учениц, схватила ее за волосы, чтобы увидеть, есть ли на ее ушах сережки, и, убедившись, что есть, быстренько эти сережки с нее сняла.

Самой неожиданной новостью для десятиклассников стала отмена выпускного экзамена по истории. Было непонятно, какую историю нужно учить и сдавать: ту, где «партия – наш рулевой» и «дело Ленина живет и побеждает», или другую, про которую только-только начали говорить и писать в газетах. Экзамен заменили на собеседование, в ходе которого группа учеников должна была выразить свое согласие с происходящим и недовольство прошедшим. Это было несложно, но экзамен по истории вдруг оказался самым запоминающимся. Потому что к экзамену Дашку готовил отец, разговаривая с ней на разные темы и отвечая на вопросы. Не про политику, а про то, как жизнь устроена. А она в свою очередь пересказывала все Марине и группе дружественных одноклассников. В назначенное время с цветами в руках они зашли в кабинет истории, и даже самый оболдуйский двоечник смог выступить и получить вполне заслуженную тройку и одобрение экзаменационной комиссии.

Был еще один важный момент, который Дашка поняла значительно позже. Все, что происходило в школе именно с ней и что происходило в школе в целом, воспринималось как само собой разумеющееся. Так устроен мир – ты каждый день встаешь и идешь в школу и жизнь в школе именно такая, какая есть. Ты просто каждый день встаешь и идешь в школу – причем не просто идешь, а даже не думаешь о том, что в школу можно не идти.

Школьная жизнь создавала опыт несамостоятельного мышления, из которого выбраться было очень трудно. Учитель математики доказывал за тебя теорему. Учитель химии проводил показательный опыт. Учитель истории согласно учебнику заставлял поверить, что в таком-то году прошло такое-то событие и имело оно такое-то историческое значение. Даже учитель географии не отставал – хотя не имел ни малейшего представления о странах, о которых рассказывал. Считалось, если ты учитель, ты по определению знаешь свой предмет и жизнь в целом лучше. От учеников требовалось сидеть тихо, слушать внимательно, зубрить по возможности и написать контрольные удовлетворительно. Неудивительно, что такая система передачи знаний не только не учила, но способствовала развитию иных навыков – обдурить учителя, списать со шпаргалки на экзамене, списать домашнее задание у успевающего ученика, подсмотреть в учебник при устном ответе и получить незаслуженно хорошие оценки.

Закончив школу, Дашка по пальцам могла пересчитать, что из учебы в школе запомнилось. Запомнилось, потому что знания были результатом самостоятельного, активного обучения, а не принятием на веру или зубрежкой того, что выдумали или написали другие.

Сочинение, написанное не как «реферат мудрых мыслей автора предисловия книги», а потоком мыслей собственных. Тема – Маяковский, объем – двенадцать листов школьной тонкой тетрадки. Комментарий учителя – «можно было более интересные стихотворения выбрать». Дашкина мысль – «я выбрала те, которые интересны для меня».

Пересказ «Соляриса» на одном из уроков. Своими словами, а не по обычной схеме «краткое описание событий, характеристика главного героя». Слушал, затаив дыхание, даже

хулиган Прохнов. Двадцать пять минут полнейшей тишины в классе. Комментария со стороны учителя не последовало.

Алгебра с геометрией – давались настолько легко, что Дашка работала самостоятельно, опережая класс на пять-шесть заданий. Реакция учителя – ставила пятерки и хвалила, но согласно советскому подходу в обучении периодически выбивала из процесса, вызывая к доске или заставляя объяснить тему отстающему ученику. Мысль – «оставьте меня в покое, не мешайте».

Английский язык – вклад школы нулевой. Дашка учила язык два года на платных курсах, три раза в неделю по три часа. Дашка чувствовала, что английский ей понадобится. В первый раз осмелилась настоять на своем и потребовать, чтобы родители оплатили – удовольствие было не дешевое. До этого, чем Дашке заниматься, решала не она. Хочешь на танцы – пойдешь на музыку. Хочешь плавать – пойдешь на музыку. Что? Хочешь в английскую спецшколу? Пойдешь на музыку, так как возить тебя в спецшколу некому.

Школьные биология, химия, физика прошли мимо. Физику Дашка выучила на курсах подготовки в ВУЗ. Самым интересным был опыт выведения формулы, имеющейся во всех учебниках, но которую она забыла. Дашка потратила на формулу минут двадцать, исписала два листа бумаги и как Архимед воскликнула: «Эврика!».

От перипетий школьной жизни спасало чтение. Дома была огромная библиотека; за чтением можно было забыть про то, что тебя окружает. В третьем классе нужно было принести на урок любимую книжку. Дашка принесла «Таинственный остров» Жюль Верна. «Кто это такие взрослые книги читает? – спросила учительница. – Конечно, Светлова».

В книгах Дашку окружали путешественники, фантастические приключения и сказки народов мира. Пестрый котел человеческого разнообразия. В реальности одинаковые школьные дни шли один за другим: учи уроки – води себя правильно – помогай другим – будь хорошей девочкой. Выходом в мир иной были путешествия за границу (повезло), вольные пионерские лагеря (тоже повезло) и поездки в деревню к родственникам (без родителей).

Но всю жизнь за книгами проводить не будешь. Что делать дальше? В конце восьмидесятых Дашкина обычная, не элитная и неспециализированная, школа выпускала из своих стен десятиклассников с хорошими аттестатами и знаниями, этим аттестатам не соответствующими, и с опытом социализации, ограничивающейся неравными отношениями «учитель—ученик» и школьными подростковыми междоусобицами. Поэтому, что выпускникам делать дальше, за них продумали – троечники уже ушли налево в ПТУ, отличникам же направо в ВУЗ. Выбери ВУЗ, напрягись и сдай экзамен и из школьных стен переместись в такие же, под другой вывеской. Но Дашкиному поколению парадоксально повезло. Несмотря на школьный подавляющий контроль и общественное планирование судеб молодого поколения, и благодаря неразберихе, царившей в стране, у Дашки и остальных выпускников школ того времени, появилась возможность быстрее повзрослеть и пересмотреть сценарий. Уйти в отрыв. Научиться новому на практике. Не у всех получилось, но и не всем надо было. У кого же вышло – наперекор родителям, учителям и общественному мнению – тот мог сказать, что жизнь свою построил сам.

Дверь в комнату не открывалась – с другой стороны что-то застряло. «Опять эти свиньи раскидали грязные сапоги. – Дашка пнула дверь ногой. – Открывайте немедленно!» Послышался шум, и дверь открыли. Две соседки по комнате, Тарановская и Хомкина, обе из параллельного класса «а», лежали на кроватях в грязных рейтузах и мокрых куртках. Боты валялись на полу около двери. «Вы же не одни здесь. – Дашка скинула с батареи около своей кровати шерстяные носки с наклепленными на них комьями засохшей грязи. – Уберите эту гадость!»

«Ашки» взбунтовались. «Какое право вы имеете так себя вести, почему вы все время указываете, что нам делать». Марина не выдержала: «Потому что вы не только вещи разбрасываете и грязную одежду не снимаете, вы даже не моетесь, неужели вам не противно!» «Да пошла ты!» – крикнула Тарановская. Скандал, назревавший в течение недели, набирал обороты. «Сама иди!» – крикнула в ответ Марина. Дашка рухнула на кровать. «Я больше не могу», – подумала она. В дверях появилась Борисова: «Девчонки, не надо ругаться!» «Может она их успокоит, – понадеялась Дашка. – Скажи своим одноклассникам, чтобы они мыли обувь, и сами мылись. Баня теперь каждый день работает».

Комната разделилась на два лагеря: «мытых» и «немытых». К первым относились Дашка, Марина, Борисова и Козлова. Ко вторым Тарановская, Хомкина и сочувствующая им не моющаяся Байдакова. Кровати пришлось переставить. Теперь «мытые» спали у окна, а «немытые» ближе к двери. Общение было сведено к минимуму, но в результате перепалок грязные боты стояли в углу, да и сами «немытые» стали выглядеть чище.

Москва в конце восьмидесятых выглядела, как медведица после зимней спячки – проснувшись, голодная и взъерошенная, она огляделась по сторонам и изумилась «Куда же я попала?» Столь привычный облик города менялся на глазах. Сначала пропали портреты вождей и пропагандистские панно «Мы строим коммунизм» – пропали внезапно, оставив после себя лишь голые остова металлических конструкций. Постепенно становилось меньше красных флагов – старые снимали, а новые не вывешивали – и некоторое время Москва удивляла всех приезжих, да и самих москвичей непривычной серостью улиц.

Вслед за флагами стали пропадать продукты. Дашкина мать работала, поэтому Дашке приходилось каждый день обходить окрестные магазины, чтобы по счастливой случайности натолкнуться на сыр или колбасу, за которыми выстраивались длиннющие очереди, состоящие из старушек, хорошо помнящих, что такое голод, и покупавших впрок любые товары, особенно мыло и спички. В Дашкином доме одна из таких старушек отдала богу душу, и в ее квартире обнаружили четыре трехлитровые банки подсолнечного масла, здоровенный мешок с сахарным песком и десяток буханок зачерствевшего хлеба.

Но правительству было не до старушек. Все были охвачены неумной жаждой перемен. Что менять было ясно – то, что мы имели раньше, было плохо. Но как именно менять и на что – никто не знал. Поскольку с экранов телевизоров и страниц газет только о переменах и говорили, для поддержания видимости начали с самого простого и наиболее заметного – вывесок с названиями улиц, районов или станций метро. С карты города стирали

ставшие ненужными имена героев революции, и возвращали старые дореволюционные названия. На смену вывесок тратили средства, на которые, по мнению среднестатистического москвича, лучше было бы закупить за границей продукты.

С трибун доносились возгласы новоявленных демократов: «Долой коммунистов! Мы всегда ненавидели коммунизм, только боялись и поэтому молчали. А теперь у нас гласность, и каждый имеет право сказать... Да здравствует перестройка! Перестроим страну за пятьсот дней!» И так далее. В сущности, лозунги строились по тому же принципу. Раньше «Даешь коммунизм!», теперь «Даешь перестройку!», раньше «Коммунизм – будущее всей страны!», теперь «Перестройка – наше будущее!».

Выкрикивая новые лозунги и чрезмерно увлекшись разоблачениями расхитителей государственного имущества, все, казалось, забыли русскую поговорку «криком делу не поможешь». Чтобы перестроить экономику и вывести страну из кризиса, необходимо трудиться. Трудиться же подавляющее большинство как руководящей верхушки, так и работоспособного населения страны за долгие годы застоя и фикции разучилось. Поэтому перестройки оказалось мало. «Даешь ускорение!» – прокричали с трибуны. То есть «Даешь самую быструю перестройку!». Этот лозунг напоминал знакомый по учебникам истории «Пятилетку в четыре года!» и заставлял вспомнить еще одну народную поговорку «Поспешись – людей насмешишь». «Давайте все делать быстрее», – говорилось с экранов телевизоров и со страниц газет. «Поторопитесь!» А если что в спешке сделаем не так, то это либо само дойдет, либо мы его завтра переделаем, то есть перестроим. Так оно и получалось: утром новый закон принимали – вечером от него отказывались, утром разрешали – вечером запрещали; никто не знал, что надо делать, чтобы вывести заблудившуюся страну на правильный путь.

На следующее утро приехала Маринина мать. Она привезла теплые вещи, а также еды: копченой колбасы, сыра, консервов, конфет и даже пирожных. Пробыла она недолго и увезти девочнок домой не предложила. «Позвоните, пожалуйста, моей маме и скажите, чтобы она меня отсюда забрала», – попросила Дашка. «Тебя она тоже заберет, – сказала она Марине. – Попросит кого-нибудь с машиной».

Вечером, вернувшись из бани, девочки решили устроить пирушку. К ним присоединились остальные «мытые», которые внесли свой вклад в виде шербета и лимонада. Еды было много. Дашка раскладывала овощи и ломала шоколадку на дольки, Марина тупым перочинным ножом резала колбасу. На ужин давали несъедобное месиво из тушенки с картошкой, к нему салат из ненавистой редиски, в котором встречались крупные комья слипшейся соли. «Мытые» терпеливо ждали. К ним никто не приезжал, и они перебивались с хлеба на квас. «Можно приступать», – Марина откромсала последний кусок колбасы. Первые пять минут все жевали молча, потом Борисова чуть не подавилась куском сыра, ее стали стучать по спине, раздался первый смешок, и дальше поглощение пищи пошло быстрее. Дашка повеселела, запихивая в рот одновременно бутерброд с саями, кусок шоколада и запивая это лимонадом.

Вкус саями напомнил Дашке детство. 1980 год, Московская Олимпиада, фасованный финский сервелат. Чтобы не ударить в грязь лицом правительство срочно закупило за гра-

ницей продукты для продажи в обыкновенных магазинах обыкновенным советским гражданам.

Обычно в магазинах продавались продукты отечественно производства. Импортировались немногочисленные продукты из братских стран: болгарский кетчуп и фаршированные голубцы в банках, венгерская кукуруза и иногда что-нибудь польское. Чтобы порадовать граждан и поддерживать идею заботы о них государства, кем-то когда-то была придумана хитрая система продовольственных «заказов» – памятуя о том, что через желудок путь ведет к любому человеку. Идея заключалась в том, что перед праздниками на заводы, фабрики и госучреждения завозили деликатесные продукты питания: икру, хорошую колбасу, шоколадные конфеты – из них составляли наборы для продажи. Типичным набором того времени был такой: банка икры, банка консервированных шпрот, батон копченой колбасы, банка лосося, бутылка шампанского, пористый шоколад и в нагрузку банка кабачковой икры. В нагрузку добавляли то, что не распродавалось в магазинах. Заказы полагались на основные праздники: Новый Год, Международный женский день, очередная годовщина революции – и ожидалась с нетерпением. Система заказов, а именно продукты, содержащиеся в наборе, сформировали вкус советского человека. Спроси сейчас у любого, кто старше сорока лет, что он любит – в ответ услышишь разнообразные названия импортных продуктов. А приди к нему домой на праздник, и на столе будет стоять банка шпрот и нарезанная копченая колбаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.